

Р у с с к и й о р н и т о л о г и ч е с к и й ж у р н а л
The Russian Journal of Ornithology

Издаётся с 1992 года

Экспресс-выпуск • Express-issue

2001 № 137

СОДЕРЖАНИЕ

231-248 Птицы России и сопредельных стран:
воробышний сыч
Glaucidium passerinum Linnaeus, 1758.
Ю.Б.ПУКИНСКИЙ

248-251 Орнитологические находки в Лодейнопольском
районе Ленинградской области в 1998-2000 годах.
В.А.КОВАЛЁВ

Редактор и издатель А.В.Бардин

Кафедра зоологии позвоночных

Биологический факультет

Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

The Russian Journal of Ornithology

Published from 1992

Express-issue

2001 № 137

CONTENTS

231-248 The birds of Russia and adjacent territories:
the pygmy owl

Glaucidium passerinum Linnaeus, 1758.

Yu.B.PUKINSKY

248-251 Ornithological findings in Lodeynoe Pole Raion,
Leningrad Region in 1998-2000.

V.A.KOVALEV

A.V.Bardin, Editor and Publisher

Department of Vertebrate Zoology

S.Petersburg University

S.Petersburg 199034 Russia

Птицы России и сопредельных стран: воробышний сыч *Glaucidium passerinum* Linnaeus, 1758

Ю.Б. Пукинский

Биологический научно-исследовательский институт, Санкт-Петербургский университет,
Старый Петергоф, Санкт-Петербург, 198904, Россия

Статус. Обычная оседлая гнездящаяся птица. В горах для воробышных сычей характерны вертикальные миграции.

Общая характеристика и полевые признаки. Воробышний сыч — маленькая сова, весящая не более 80 г. Тем не менее его отличает плотное телосложение, позволяющее ему справляться с жертвой почти равной величины. Округлая, без “ушек”, голова, относительно небольшие глаза и серовато-бурая расцветка позволяют с лёгкостью опознать этого сычика в природе. Для верха тела сычика, в общем тёмного, характерен обильный белёсый крап, для светлого низа — размытая продольная бурая пятнистость. Лицевой диск издали почти незаметен, хотя и отделён полоской светлых перьев. Такие же почти белые пёрышки образуют светлое пятно на зашейке (рис. 1).

Полёт воробышного сыча лёгок и стремителен одновременно. Правда при обычных жизненных ситуациях эта сова редко пролетает без посадки более 50-100 м. Но и на этом отрезке сычик упевает продемонстрировать исключительную ловкость: то круто свернёт в сторону, то не сбавляя скорости прошмыгнёт среди густых ветвей, не задев ни одну из них. В целом полёт воробышного сыча мало похож на совиний. Скорее он напоминает передвижение некрупной воробышной птицы, летящей “толчками”. Когда же сычик летит с добычей в когтях, полёт его прямолинеен, не столь лёгкий, напряжённый. Короткие крылья с заметным шумом рассекают воздух, а при резком взлёте даже слышатся их хлопки.

Примечательно, что во время опасности, например, завидя приближающегося человека или собаку, воробышний сыч редко прибегает к позе затаивания. Обычно он лишь возбуждается и принимается демонстративно и ритмично поводить хвостом из стороны в сторону, одновременно поднимая и опуская его. При затаивании же его голова становится необычно плоской, перья в ушной области оттопыриваются, создавая подобие “ушек”, птица максимально вытягивается, плотно прижимает оперение тела, слегка пришуруливается.

Отличает воробышного сычика и исключительная доверчивость. Можно открыто находиться в нескольких метрах от него, а он будет заниматься своими делами — дремать, чиститься или охотиться. При нападении на жертву сычик вообще теряет всякую осторожность. Он смело атакует мелких птиц, находящихся в 1-2 м от человека, и тут же у ваших ног начинает терзать жертву. В зимнем лесу воробышные сычи иногда подлетают к сидящему у костра человеку на 3-4 м, а удовлетворив любопытство, без паники

улетают обратно. Однако именно изначальная доверчивость этой миниатюрной совы и делает её малозаметной. И только знание её голоса увеличит шансы на встречу с ней.

Голос*. В лесу, где обитают воробышные сычи, сразу после захода солнца или в предрассветных сумерках можно услышать их крики. Они используются птицами для поддержания контакта практически круглогодично, но наиболее регулярно подаются осенью в период образования пар и весною начиная с марта, при брачном возбуждении.

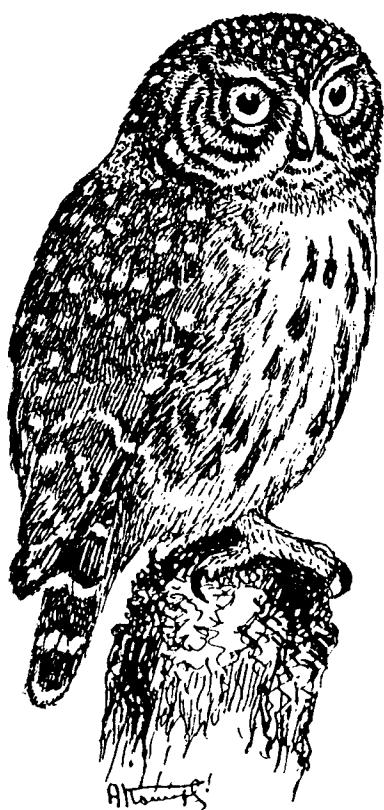

Рис. 1. Воробышный сыч
(по: Дементьев 1951)

другому приятно воспринимается на слух и явно украшает эту в общем-то однообразную песню. Отдельные самцы нередко различаются по тону голоса, и тогда единовременное пение их создаёт впечатление музыкального перезвона, хорошо слышимого, например, с открытой вырубки, с расстояния около километра.

В период тока от самцов воробышного сыча, наряду с обычными свистами, иногда приходится слышать высокочастотную поспешную трель. Она длится около 2 с и включает до 10-11 укороченных свистов, следующих с интервалами в 0.1-0.2 с. Основная частота звучания этих выкриков — около 4 кГц. Наиболее высокие звуки составляют концовку трели. При этом высокочастотные свисты на завершающем этапе как бы вибрируют. Замечено, что этот вариант вокализации весьма изменчив, и степень

Призывный крик сычика-самца — это приглушенный свист (рис. 2). Звук этот многим напоминает неторопливый меланхоличный посвист снегиря *Pyrrhula pyrrhula*, хотя и считают, что звучит он более “жёстко” (Schönn 1980). Примерный диапазон частот этого сигнала у сычей из Ленинградской обл. составляет 1500-1750 Гц, продолжительность звучания — около 0.25 с. Часто призывный крик, ритмично повторяемый, выполняет роль видовой демонстративной песни. Отдельные свисты при этом следуют с интервалами в 2.0-2.5 с, но при возбуждении (например, в ответ на проигранную магнитофонную запись) могут издаваться и чаще. Вслушавшись, можно заметить, что вокализация воробышного сыча не совсем монотонна. Каждый звук несколько понижается в середине, наиболее высок перед окончанием и перед затуханием снижается вновь. Иногда эти модуляции оказываются столь существенны, что сигнал воспринимается на слух как двусложный. Во время пения при неизменной ситуации односложные и двусложные варианты чередуются без видимой закономерности. Переход от одного варианта крика к

* Этот раздел написан в соавторстве с М.В. Пукинской.

возбуждения птицы отражается на нём в первую очередь. Считается также, что трель эта издаётся лишь самцом, уже имеющим пару (König 1968a). Однако функционально разделить эти варианты вокализации всё же сложно: они нередко переходят одна в другую в течение короткого времени. Несомненно одно: данная трель — результат возбуждения птицы, и с этим в той или иной степени согласно большинство натуралистов, наблюдавших воробышного сыча в природе (König 1968b; Scherzinger 1970; Schönn 1980 и др.).

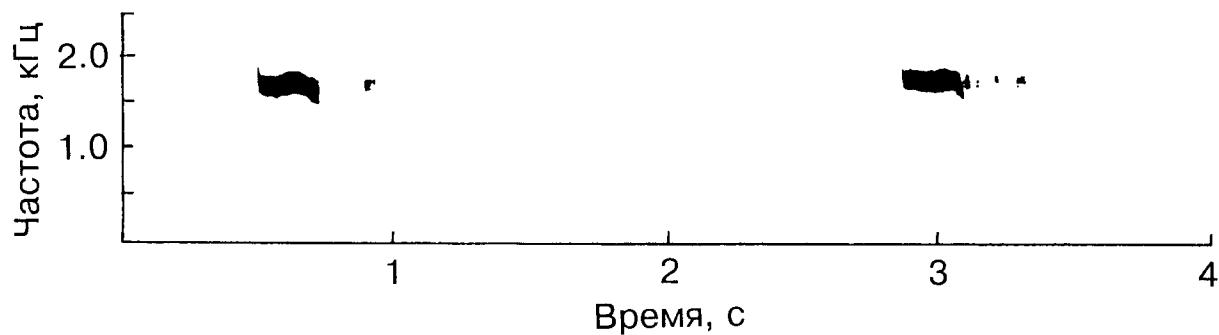

Рис. 2. Призывный крик взрослого воробышного сыча.

Запись Ю.Б.Пукинского и М.В.Пукинской. Ленинградская область, 30 марта 1988.

Кричат-поют воробышные сычи чаще всего сидя в верхней части кроны либо на макушке дерева. Ранней весной, в марте, поющая птица редко подолгу остаётся на одном месте. Исполнив сотню-другую свистов, сычик обычно перелетает на 300-400 м и снова принимается кричать. При этом всегда можно уловить “эпицентр”, от которого он редко удаляется более, чем на 0.5 км. Во время пения сыч периодически поворачивает голову то в одну, то в другую сторону, отчего крики доносятся то громче, то слабее. Наряду с этим он может произвольно менять громкость крика. Мы наблюдали, как самец, зазывавший в дупло самку, когда она подлетела, стал исполнять свой свист по крайней мере в четверть силы.

Почти круглогодично, но особенно регулярно осенью (под Санкт-Петербургом, например, в конце сентября-октября) от самца и самки в густых сумерках можно услышать ещё один вариант коммуникативной вокализации. Он исполняется как правило в присутствии партнёра. При этом отдельные “снегириные” свисты издаются сериями по 7-8 звуков. Последние из этих свистов более длинные и высокие, нежели начальные (Schönn 1980). Издав серию таких звуков, птица замолкает, но после неопределённой паузы может закричать аналогичным образом вновь. Описанное “пение” редко продолжается дольше получаса.

Очень эффектны и достаточно доносчивы призывные крики слётков воробышного сыча. Это сравнительно высокочастотный (5.0-6.5 кГц), слегка дребезжащий свист продолжительностью около 0.7-0.8 с. В начале его звук быстро повышается, а в конце не менее резко понижается, что легко улавливается и на слух. По силе, звучанию и фактуре этот голосовой сигнал напоминает свист самки рябчика *Tetrastes bonasia*. Таким звуком слётки в ожидании корма извещают родителей о месте своего нахождения. Естественно, с вечера проголодавшиеся за день птенцы кричат чаще и громче.

Как и у многих других сов, этот инфантильный призывный крик сохраняется у самок воробышного сыча в течение всей жизни, постепенно преобразуясь в своеобразный “семейный” призывный крик. Он сравнительно часто используется при становлении пары (König 1968b), когда самка выпрашивает корм у самца и при других “семейных” обстоятельствах. У половозрелой самки этот призыв, по сравнению с таковым слётка, становится ещё более дребезжащим, резким и по частотным характеристикам заметно более низким (4-6 кГц). Самцы утрачивают этот сигнал в возрасте 6-9 нед. (Schönn 1980).

Наряду с описанным призывным свистом, нередко приходится слышать и другие формы призывной вокализации. Так, сидящая на кладке самка, находясь в дупле, проголодавшись и услышав голос подлетевшего самца, начинает издавать тихие глухие свисты, в целом похожие на брачный крик самца. При этом после 2-4 укороченных свистов обычно следует более продолжительный звук, и эта комбинация может повторяться. Однажды к подобному пению самка прибегла в нашем присутствии, в ситуации, когда птица была явно обеспокоена.

Наиболее детально особенности голоса воробышного сыча изучены в Западной Европе (Bergman, Ganso 1965; Klaus *et al.* 1965; König 1968b; Scherzinger 1970; Schönn 1980). В перечисленных работах описано более 10 разных звуковых реакций, используемых этими совами при контактах. Так, сычи издают: звуки интимного значения (например, перед спариванием и во время него — своеобразное верещание); особые трели из 6-10 коротких звуков, сливающихся в конце, выражающие раздражение и беспокойство — своеобразное предупредительно чириканье. Описаны и неголосовые звуковые реакции — угрожающее щёлканье кловом, которое можно услышать как от взрослых птиц, так и от птенцов, и пр. Известно также, что 1-2 сут птенцы уже в состоянии издавать одно- и двусложные крики, стимулирующие их кормление родителями (Schönn 1980), и хрипловатое “пурр” при дискомфорте (при остывании, в случае, если самка случайно наступит на птенца и т.д.). Считают, что именно эта звуковая реакция в дальнейшем преобразуется в птенцевый призывный крик и служит не только для облегчения обнаружения рассредоточившихся слётков родителями, но и для объединения выводка.

Описание. Окраска. Птенцы воробышного сыча вылупляются в густом белом пуху, сравнительно равномерно покрывающем всё тело, включая пальцы ног. В дальнейшем, по мере роста совёнка и до разворачивания пеньков второго птенцевого наряда (мезоптиля), опушение птенца как бы редеет и сквозь него во многих местах начинает просвечивать розоватая кожа и бурые очины будущих перьев. За счёт этого у птенца в возрасте 1-2 нед. общая окраска изменяется на грязно-серую.

Развитый мезоптиль у воробышного сычика во многом схож с таковым у мохноногого сыча *Aegolius funereus*: в нём почти нет пуховых перьев, вновь отрастающие перья лишь немного мягче (хотя кажутся более растрёпанными), нежели перья последующего наряда. В мезоптиле совёнок со спины сплошь шоколадно-бурого цвета, без заметных пестрин на голове, шее и

спине, отличающих взрослую особь. Брюшная сторона беловатая, с редкими бурыми продольными пятнами, особенно насыщенными на боках, зобе и груди. В целом птенец воробышного сыча в гнездовом наряде выглядит более тёмным, чем взрослая птица.

Радужина глаз, первоначально буро-коричневая, к моменту вылета птенцов из дупла становится бледно-жёлтой.

Общий тон окраски оперения взрослых особей серовато-бурый, “ястребиный”. Чётких различий в окраске самцов и самок, по-видимому, нет. Имеются лишь старые указания, что самок отличают якобы более развитые тёмные дугообразные полосы на лицевом диске под глазами (Брем 1911), и что самцы за счёт меньшей пятнистости верха тела выглядят в общем более тёмными, а светлый зашек у них поэтому кажется более контрастным (Klaus *et al.* 1965). Во всех случаях по тёмному верху тела птицы, включая кроющие крыла и хвоста, во множестве “рассыпаны” светлые округлые пятна. Они большей частью приурочены к вершинам опахал. У сидящей птицы в области зашечки вследствие налегания перьев одно на другое эти пятна сливаются в единое светлое полукольцо. Брюшная сторона взрослых сычей, как и у молодых, много более светлая, почти белая, с размытой продольной тёмно-буровой пятнистостью.

Маховые землисто-бурые с неясным светлым поперечным рисунком, переходящим у краёв опахал в отдельные светлые пятна. Рулевые того же цвета, но с 3-4 светлыми поперечными полосами и светлой же вершинной каймой.

Лицевой диск у взрослой птицы выражен нечётко, сероватый, более светлый в центре, с 2-3 рядами прерывистых полос вокруг глаз, с пестринами, слабо контрастирующий с остальным оперением головы. Радужина лимонно-жёлтая. Клюв светлый, серо-жёлтый. Когти тёмно-бурые.

Строение и размеры. Миниатюрность в сочетании с коренастым телом, небольшие размеры головы и глаз, слабо развитый лицевой диск, наконец, сравнительно жёсткое оперение — вот основные характеристики воробышного сыча, определяющие его образ жизни, охотничьи повадки и трофические связи. К этому добавим, что округлая голова его спереди не столь сильно уплощена, как у других сов, а относительно большой и толстый клюв как бы выдвинут вперёд. Примечательно и строение клюва: режущий край надклювья у основания имеет выемку, в которую входит “зуб” подклювья. Аналогичные устройства имеются и у других птиц, склонных к хищничеству (соколов, сорокопутов и др.), в частности, к орнитофагии. Считают, что таким клювом удобно расчленять шейные позвонки жертвы.

Ноги у воробышного сыча относительно короткие, густо оперённые. Крылья у летящего сычика кажутся короткими и тупыми, как это бывает у истинно лесных птиц. Слегка закруглённый хвост также выглядит укороченным, хотя его длина составляет примерно треть от общей длины птицы. Маховые и рулевые жёсткие, способствующие повышению скоростных качеств полёта, но в то же время лишающие его основного совиного достоинства — бесшумности. Последнее, несомненно, результат перехода воробышного сыча к дневной активности.

Формула крыла: 4>3>5>2>7>8>9>10≥1*. На внутренних опахалах первых пяти маховых имеются вырезки.

Данные о размерах воробыниных сычей следующие (по: Дементьев 1951; Mebs 1966; Mikkola 1983). Длина тела самцов 152-170 мм ($n = 2$), самок 170-195, в среднем 178.3 мм ($n = 10$). Размах крыльев самцов 356 мм ($n = 1$), самок 367-390, в среднем 377.5 мм ($n = 6$). Размеры крыла, хвоста, цевки и клюва приведены в таблице. Масса тела самцов 47-62, в среднем 56.8 г ($n = 7$), самок 55-79, в среднем 67.2 ($n = 14$). В течение года масса самцов колеблется в пределах 65-72 г, самок — 74-83 г (Scherzinger 1970).

Хотя различия в размерах и массе тела самцов и самок незначительны, у гнёзд более крупная самка почти всегда отличима от заметно более мелкого самца.

Размеры (мм) воробыниного сыча *Glaucidium passerinum*[†]

Пол	Длина крыла			Длина хвоста			Длина цевки			Длина клюва		
	<i>n</i>	lim	\bar{X}	<i>n</i>	lim	\bar{X}	<i>n</i>	lim	\bar{X}	<i>n</i>	lim	\bar{X}

Территория бывшего Советского Союза

Колл. Зоол. ин-та РАН, Зоол. музея Моск. ун-та, ЗМ ННГУ, МП ОГЗ (ориг.)

Самцы	39	91-102	96.6	27	54-72	61.7	3	17-20	18	15	10-14	12.2
Самки	83	98-109	104.6	69	56-80	68.6	14	16-24	19.1	30	11-16	13.0

Территория бывшего Советского Союза (по: Дементьев 1951)

Самцы	29	92-102	97.8	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Самки	41	100-108	103.6	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Европа (по: Cramp 1985)

Самцы	11	93-100	97.5	10	53-60	56.1	6	16-17	16.5	6	13.5-15	14.4
Самки	23	101-109	105.3	17	58-65	61.9	7	16.8-18.5	17.4	8	14.8-16.3	15.7

Линька. В пределах бывшего СССР не изучена. Судя по данным с территории бывшей ГДР (Schönn 1980), эмбриональный пух начинает замечаться на мезоптиль уже в недельном возрасте, когда формируются зачатки будущего промежуточного наряда. Прежде чем из пеньков покажутся опахала первых перьев, покров совёнка выглядит необычно щетинистым. Интенсивный рост этого пера продолжается около месяца. Развитие его проходит следующим образом. На 8-е сут уже хорошо заметны многочисленные пеньки, которые на 12-е сут начинают лопаться, освобождая вершины перьев. У совёнка в возрасте 18-сут голова и спина кажутся оперёнными. В возрасте 20 сут птенец уже равномерно оперён, много пеньков остаётся лишь на лицевом диске и хвостовой птерилии. На 27-е сут он выглядит полностью оперившимся. Особенностью мезоптиля воробыниных сычей является его необычная плотность. Это совсем не пухообразное перо, каковым

* Не считая самого дистального рудиментарного махового пера; счёт от дистального махового.

† Таблица составлена С.Г.Приклонским, материалы коллекций просмотрены им же.

покрываются птенцы большинства сов. К моменту вылета из дупла, очевидно, из-за длительного пребывания в тесноте, с вершин перьев мезоптиля почти нацело обламываются пушины эмбрионального покрова. В результате оперение слётков выглядит на редкость гладким, жёстким, почти таким же, как у взрослых особей.

Осенью, в возрасте 3-5 мес., происходит замена мезоптиля, и после частичной линьки, которая не захватывает маховые и рулевые перья, молодые сычики одеваются в свой первый годовой наряд. На следующий год, с июня по август, протекает полная линька, которая будет повторяться раз в год в это же время.

Подвидовая систематика. Вид представлен двумя в общем слабо различимыми по морфологическим признакам географическими расами: более мелкой западной и чуть более крупной восточной.

1. *Glaucidium passerinum passerinum*

Strix passerina Linnaeus, 1758. *Syst. Nat.*, 10th ed., p. 93, Швеция

Отличается большим развитием буро-серой окраски верха тела, слабым охристым оттенком светлых полос на хвосте, более насыщенными и одновременно расплывчатыми пестринами на груди и животе, менее ясными пестринами верха тела (Бутурлин 1928). Западная половина ареала. Предел распространения на восток установить затруднительно из-за клинальной изменчивости в пограничных районах. Считают, что граница между областями распространения двух подвидов проходит по Уральскому хребту, Восточным Саянам и горному Алтаю (Степанян 1975).

2. *Glaucidium passerinum orientale*

Glaucidium passerinum orientale Taczanowski, 1891.

Mem. Acad. Imp. Sci., St.-Petersbourg, ser. 7, **39**, c. 128,

Удский острог, Николаевск, Буреинские горы, Онон и устье Уссури

Основной тон окраски верха тела скорее сероватый, нежели бурый. Светлые пестрины почти чисто-белые, тёмные пестрины более насыщенные, резко очерченные. Восточная половина ареала от Уральского хребта и Восточных Саян до тихоокеанского побережья, включая Уссурийский край.

Распространение. Воробышний сыч распространён по широкой полосе хвойных лесов Евразии — от Скандинавии до Верхоянского хребта, побережья Охотского моря, Приморья и Сахалина (рис. 3). К северу в Норвегии до 65° с.ш., в Швеции до 68°, на Кольском полуострове доходит до северных пределов древесной растительности. Далее на восток северная граница ареала идёт по побережью Белого моря (Паровщикова, Севастьянов 1960), в бассейне Печоры до 62° с.ш., в Западной Сибири до 63°, в бассейне Лены до 64°. К югу в европейской части России до 53° с.ш., до Смоленской, Московской, Рязанской областей, Казани и Бугуруслана. В Западной Сибири на юг предположительно до 54° с.ш., до внутренних частей Алтая, Кентея, провинции Хэйлунцзя, южного Приморья. Изолированные участки ареала охватывают Пиренеи, Бескидские горы, Карпаты, Трансильванские Альпы, Альпы к югу до Боснии и северной Италии и к западу до Франции, швейцарскую и французскую Юру, Вогезы (Степанян 1975).

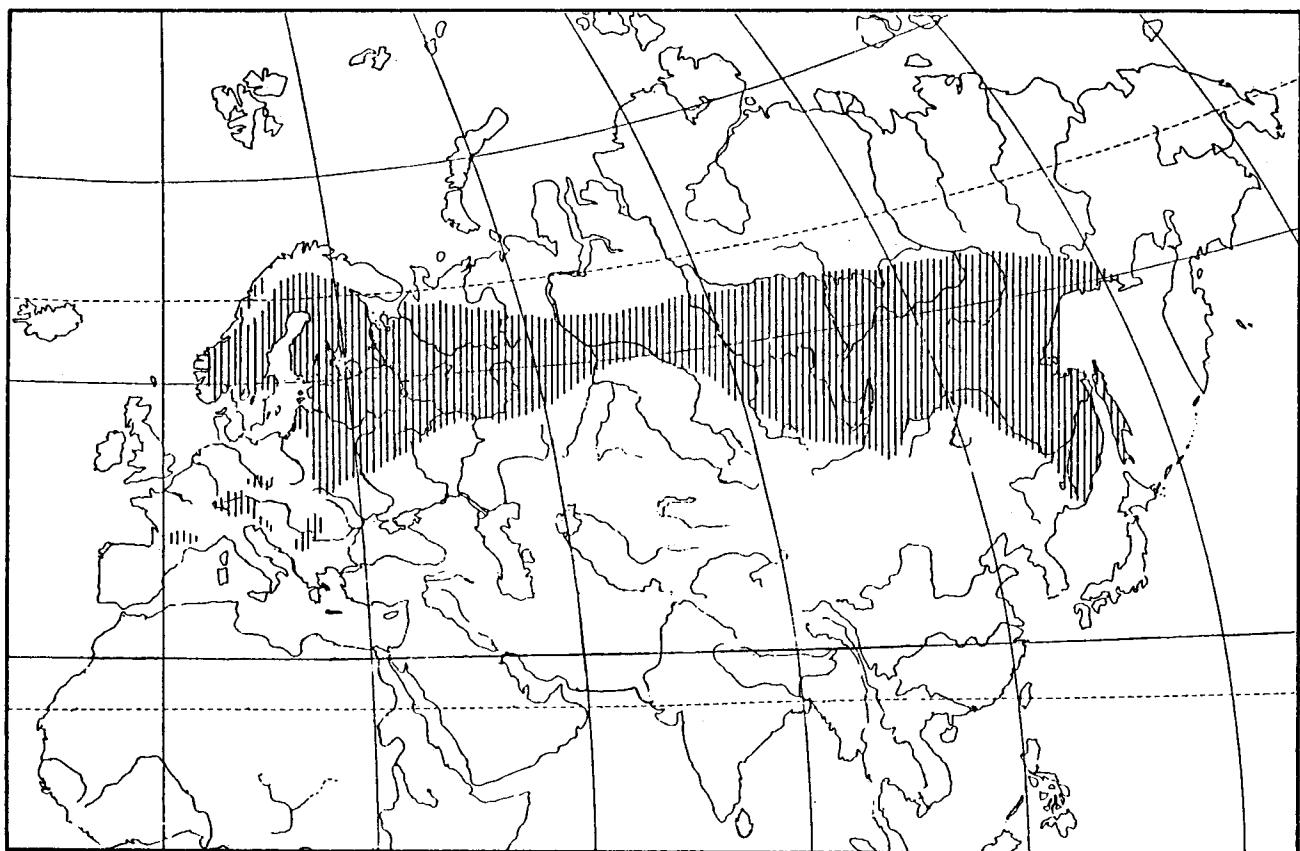

Рис. 3. Область распространения воробьиного сыча.

Зимовки. Зимние встречи воробыниных сычей в населённых пунктах, а также в несвойственных им стациях предгорий, позволяют допустить, что часть особей покидает на зиму гнездовые стации. Одако сычи редко предпринимают дальние перелёты и уж совсем редко появляются за пределами основной части ареала. Обычно они зимуют в пределах гнездовой области.

Связь птиц с территорией. Издавна подмечено, что живущие в горных лесах воробыниные сычи гораздо более подвижны, чем обитатели равнинной тайги России (Мензбир 1895). Известны и инвазии этих сычей, например, в Скандинавии (Lindberg 1966). Крупнейшая из описанных инвазий имела место в 1963/1964, когда отмечали не только частую гибель мигрантов, но и последующее значительное возрастание плотности местной популяции. Инвазия началась в октябре, к декабрю достигла максимума, а в марте многие её участники стали продвигаться обратно на север.

О нестойкости территориальных связей воробыниного сыча могут говорить и следующие наблюдения. В Беловежской пуще, судя по использованию зимой дуплянок, сычики редко задерживаются в какой-либо из них на долгое время (Голодушко, Самусенко 1960). Правда, не исключено, что описаное поведение отражает лишь степень дисперсии молодых птиц и не имеет отношения к оседлости и гнездовому консерватизму взрослых.

Наряду с фактами, указывающими на непрочность территориальных связей воробыниного сыча, есть наблюдения, свидетельствующие об обратном. Так, для Северо-Запада России имеются сообщения о пребывании

пар сычиков на своих участках на протяжении 10 лет и более. Этих территорий особи придерживались круглый год и не покидали их, несмотря на изменения погодных и кормовых условий (Мальчевский, Пукинский 1983).

В заключение напомним, что рассматриваемый вид представлен лишь двумя подвидами. Теоретически это может свидетельствовать либо о значительном разлёте молодняка, либо о непрочности территориальных связей взрослых особей, что также приводит к широкому обмену генами между населением птиц разных районов. Вопрос этот ждёт дальнейшего специального изучения.

Местообитания. Почти повсеместно гнездовым биотопом воробыиного сыча являются перестойные леса с преобладанием ели, хорошо развитым еловым подростом и кустарниковым ярусом. В таких лесах предпочтение отдаётся участкам по логам, вдоль ручьёв, вблизи вырубок или верховых болот, а также по границе со спелыми борами-беломошниками. Однако при развеске искусственных гнездовий сычик нередко поселяется в чистых сосняках и даже пойменных дубравах (Карпович, Сапетин 1958). Известны случаи гнездования его, например, северо-западнее Барнаула, и в ленточных борах (Гаврин 1962). В горах воробыиный сыч также тяготеет к тёмнохвойным лесам, что характерно для него, в частности, в Карпатах (Страутман 1963). В горы поднимается до предела распространения высокоствольных лесов, т.е. до 1500-1600 м н.у.м. Для Западной Европы, наряду с обитанием в естественных биотопах, известны случаи гнездования воробыиного сыча в антропогенном ландшафте — в парках, садах, скверах, где размещены искусственные гнездовья (Lindberg 1966; Kellomäki 1970).

Численность. Сведения о численности воробыиного сыча крайне скучны. Вероятно, в северных районах она выше, чем на юге, и в европейской части ареала выше, чем в азиатской. Сычик повсеместно встречается спорадично, что объясняется островным распространением оптимальных для него биотопов.

В Эстонии, по мнению Т.Рандла, к началу 1980-х обитало 100-200 пар воробыиных сычей. В Латвии в лесах на Видземской возвышенности в конце 1950-х на маршруте длиной 4 км по голосу в период токования зафиксировано 3 самца, и такую плотность считают исключительно высокой (Граубиц 1983). В Ленинградской обл. в перестойных ельниках с примесью осины и берёзы, т.е. в оптимальных стациях, плотность сычика составляет в среднем 1 пару на 100 км маршрута. Здесь же в 1979 выявлены участки, где на 1 км² держалось до 3 пар сычей. Однако в Ленинградской обл. немало лесов, где воробыиные сычи практически отсутствуют (Мальчевский, Пукинский 1983). В соседней Финляндии в 1950-х обитало 200-300 размножающихся пар (Merikallio 1958), но в настоящее время число воробыиных сычей там значительно выше (Mikkola 1983).

Некоторое представление о плотности населения вида могут дать следующие сведения. В Приокско-Террасном заповеднике в начале 1950-х на 24 км² выявлено 11-12 участков, где регулярно отмечалось присутствие воробыиных сычей в зимние месяцы. Там же зимой 1954/1955 и 1956/1957

следы деятельности сычика (погадки, перья жертв и др.) найдены не более чем в 10 из 1300 развешенных дуплянок (Лихачёв 1957).

В Западной Европе воробышний сыч распространён не менее спорадично, хотя в ряде регионов, видимо, и не редок. Больше всего этих птиц в скандинавских странах. Для Швеции, например, приводится оценка численности в 20000 пар (Ulfstrand, Hogstedt 1976), что трудно даже представить. Возможно, здесь сыграла определённую роль большая инвазия в 1963/1964, вслед за которой плотность населения сычей в отдельный районах достигла 3 пар на 1.5 км² (Lindberg 1966). Временной концентрации здесь птиц могло способствовать окружение страны морем, перелететь которое для сычика, несомненно, затруднительно. В большинстве же других районов Западной Европы воробышний сыч не только редкий, но и неуклонно сокращающийся в числе вид (König 1967, 1968b; Lenz 1967), и немало мест, где он воспринимается как исчезающий и реликтовый.

В настоящее время, когда исконных еловых лесов остаётся всё меньше и меньше, необходима срочная организация специальных мониторинговых исследований численности воробышного сыча в России. Для надёжного учёта этой совы необходимы 4-5 экскурсий в разгар тока. Лучшая слышимость — в безветренные ночи. Хороший результат даёт провоцирование ответов птиц путём проигрывания магнитофонной записи их крика.

Размножение. Сведения о сроках наступления половой зрелости у воробышных сычей противоречивы. С одной стороны, нам известно, что молодые птицы впервые начинают пробовать голос — издавать видовой призывный крик — лишь в марте, т.е. в возрасте около 11 мес. Отсюда следует, что до этого срока они вряд ли могут образовать пару. С другой стороны, сообщают, что эти совы становятся половозрелыми в возрасте 5 мес. (Mikkola 1983), и это тоже подтверждается наблюдениями.

Неясным остаётся и время образования пар. На известных нам традиционных гнездовых участках на Северо-Западе России, где по каким-то причинам в конце сезона размножения один из партнёров исчезал, новая пара образовывалась либо этой же осенью, либо следующей весной, в конце февраля-марта. Образованию пар предшествует активная вокализация, во время которой более или менее регулярно, как песня, воспроизводится видовой призывный крик. По-видимому, осенью овдовевшие птицы находят новых партнёров главным образом путём перераспределения одиноких старых птиц, весной же объединяется в пары молодёжь прошлого года.

В весенном брачном поведении воробышных сычей можно выделить три этапа (Schönn 1980). На первом происходит закрепление выбранного участка. В это время самец, токуя, часто меняет место пения, то и дело перелетая на 200-300 м и более, голос подаёт с высокой присады, кричит регулярно в утренних и вечерних сумерках, а иногда и днём. При имитации наблюдателем призывного крика самец тут же является на зов. Голоса самок в это время (конец февраля-первая половина марта) слышны редко.

Второй этап знаменуется появлением на участке самки, а там, где она уже была — явным повышением её активности. Вокализация птиц в это время (середина и конец марта) несколько локализуется территориально.

Одновременно нарушается бывший строгим до этого распорядок: птицы по-прежнему подают голоса на утренних и вечерних зорях, но нередко кричат и среди ночи или дня. Всё чаще, наряду с обычными размеренными глухими посвистами, слышатся различные, обычно ускоренные, варианты песни,ibriующие трели, высокие запевки. Иногда монотонное пение самца сменяется чередованием двух обычных свистов и одного удлинённого. Правда, не исключено, что в данном случае мы имеем дело с дуэтом самца (первые два звука) и самки (более протяжный звук). В эти же сроки от воробыиных сычей впервые удается услышать звуки, несущие информацию о том, что самец передаёт корм самке. Потеряв самку, он зовёт её обычной монотонной песней. Несомненно, что эта фаза тока предполагает окончательное становление брачной пары.

Наконец, последний этап — это ток вблизи выбранного для гнездования дупла. В это время (начало апреля) птицы токуют на участке, ограниченном несколькими деревьями, в одном из которых и находится присмотренное дупло. Здесь особенно часто слышится высокочастотное эмоциональное пение (см. раздел “Голос”). Самец уже регулярно появляется у дупла с кормом. Токование в это время то затухает, то неожиданно, в “неурочный” час, может вспыхнуть с особой силой. Предельно разнообразна и вокализация партнёров в это время. Однако часто звуки, издаваемые ими, воспроизводятся негромко, в пол- или четверть силы.

На третьем этапе токования можно наблюдать и спаривание. Оно происходит на горизонтальных ветках, обычно поблизости от гнездового дупла, длится 2-5 с и может повторяться тут же до 3-4 раз. В это время самец иногда проникает в гнездовую нишу и, высунувшись из летка, принимается вполсильы призываю кричать, как бы заманивая туда самку.

В последние дни перед началом кладки самка проводит в дупле большую часть суток и, по-видимому, постепенно бросает охоту, переходя на полное иждивение самца. Собственно, на этом и заканчивается последняя фаза тока. В это время самец вновь часто начинает исполнять свою призывную низкочастотную песню, тщетно пытаясь вызвать из дупла приступившую к насиживанию самку. Но она теперь покидает гнездо не более 2-3 раз в сутки, вылетая наружу не более, чем на 10-15 мин. Именно эти крики самцов чаще всего и слышатся в лесу в конце апреля-начале мая.

Гнездовые участки воробыиных сычей, по всей видимости, не велики. К югу от Санкт-Петербурга мы в одном случае наблюдали, что в лесном квартале площадью 1 км² одновременно выводили потомство 3 пары. В центральной Европе величина гнездовых участков в среднем составляет 0.75-1.50 км² (Scherzinger 1969). Жилые дупла могут располагаться в 500-800 м одно от другого (Rudart *et al.* 1987).

Для гнездования воробыиний сын использует как естественные дупла с диаметром входного отверстия до 5 см, так и дупла, когда-то выдолблиенные дятлами — большим пёстрым *Dendrocopos major*, трёхпалым *Picoides tridactylus*, седым *Picus canus*. Это могут быть ниши в берёзах, елях и других деревьях. Для бывшей ГДР известно, что в 70% случаев сычи использовали дупла лишь по разу, и только в единичных случаях одна и та же гнездо

довая ниша может заниматься птицами 3-4 года подряд (Rudart *et al.* 1987). Поселяются сычики и в искусственных гнездовьях.

Откладке яиц часто предшествует очистка дупла: самка выбрасывает через леток мешающие ей щепки, старую растительную ветошь и др. (Schönn 1980; Mikkola 1983). Нам также известно, что порядок в дуплах продолжает наводиться и после вылупления птенцов. При этом самка выбрасывает скорлупу и остатки пищи, скопившиеся за период насиживания, прямо из летка, чем явно демаскирует гнездо. Интересно, что у других сов-дуплогнездиков этого не отмечается. Если они и очищают гнездо, то мусор, видимо, относят в сторону.

О сроках откладки яиц, размере и массе яиц, продолжительности и особенностях насиживания и других деталях гнездовой жизни воробиного сыча нам приходится судить в основном по зарубежным данным, поскольку в пределах бывшего СССР его жизнь остаётся пока неизученной. Нам лишь известно, что на Северо-Западе России самки приступают к откладке яиц в самых последних числах апреля или даже в первой декаде мая.

Яйца откладываются через день. Масса свежеснесённого яйца около 8.7 г (Scherzinger 1970). Размеры яиц ($n = 91$) $27.0\text{-}31.5 \times 21.7\text{-}24.5$, в среднем 28.5×23.2 мм (Schönn 1980; Mikkola 1983 и др.). Скорлупа яиц белая, гладкая, по мере насиживания приобретающая блеск.

Судя по данным из Финляндии, Швеции и Австрии (Mikkola 1983), в полной кладке воробиного сыча встречали по 3 яйца (4 случая), 4 (13), 5 (12), 6 (7), 7 (7), 8 (4), 9 (1) и 10 яиц (1 случай). Средняя величина кладки по этим данным составляет 5.4 яйца. При этом наименьшего значения этот параметр имеет в Австрии (4.5 яйца).

Как ни странно, но по сведениям вышеназванных авторов, к насиживанию самка приступает лишь после завершения кладки, а не после снесения первого или второго яйца, как это делают все другие наши совы. И этому пока нет объяснения. Продолжительность инкубации 28-29 сут (Scherzinger 1970; Schönn 1976). Сообщим здесь же, что нам известен факт, когда вслед за 2 птенцами, вылупившимися почти одновременно (в течение 12 ч), 3-й и 4-й птенцы запоздали, соответственно, на 2 и 3 сут. Насиживает кладку лишь самка, и сидит на редкость плотно. Она не вылетает из дупла, даже если постучать по дереву палкой.

В отличие от других периодов гнездовой жизни, во время насиживания самка сравнительно часто купается. Делает она это обычно лишь в тёплую погоду, в одном и том же месте, в полуденные часы. Птица подлетает к луже, заходит по брюхо в воду и начинает плескаться в ней. После этого она нередко принимает солнечные ванны, во время которых намокшие перья быстро просыхают, после чего сова возвращается в дупло и продолжает прерванное насиживание (Schönn 1976).

Новорождённый птенец весит 5-6 г. С возраста 3 сут совята уже отгibtают погадки. На 9-е сут открываются глаза. 14-сут совёнок уже достигает 60% массы относительно той, которую будет иметь при вылете из гнезда (58-70 г). примечательно, что в течение всего гнездового периода в дуплах, занятых воробинными сычами, сохраняется относительная чистота (Schönn

1980). Этому способствует и то, что птенцы выделяют экскременты, по-видимому, в капсулах, что облегчает их вынос из гнезда. Самка частично поедает капсулы заодно с погадками птенцов или же выносит их из дупла. У слётков характер экскрементов меняется — они разбрызгивают жидкий помёт точно так же, как и родители.

Требовательные птенцовые крики — вначале слабый писк, позже писк с вибрирующей концовкой — совята издают с первого дня. Корм в первые дни жизни птенцов добывает преимущественно самец. Он ежедневно приносит 6-10 зверьков или мелких птиц, 5-8 из которых достаётся птенцам, а остальные поедает или запасает самка. Корм доставляется преимущественно в сумеречное и светлое время суток с интервалами в 2-4 ч. Большую часть корма самец передаёт самке, которая буквально вырывает добычу из лап партнёра. Этими подношениями самка питается сама и выкармливает птенцов. Излишки корма она складывает либо на ветках недалеко от гнезда, либо прямо в гнездовом дупле. К концу гнездового периода корм начинает добывать и самка, хотя по-прежнему основным охотником в семье остаётся самец (Schönn 1980).

У гнезда воробышные сычи ведут себя малозаметно. Лишь обеспокоенные за судьбу потомства, они иногда подлетают к человеку на 3-4 м, открыто садятся и, как бы желая привлечь к себе внимание пришельца, демонстративно поднимают и опускают хвост, порой издают призывный крик. При возрастании возбуждения сычик предпринимает попытки атаковать противника, издаёт тревожное верещание. Один раз удалось наблюдать и своеобразную позу отвода от гнезда: вылетев из дупла, где находились пуховички, самка “упала” на землю вблизи находившейся здесь собаки и, лёжа, широко распустив приподнятый хвост, распростёрла крылья в горизонтальной плоскости. В этой позе она пребывала несколько секунд, после чего взлетела, повторила описанную демонстрацию на ветке, сидя почти вертикально, а затем принялась угрожающе щёлкать клювом.

В возрасте 25 сут совята начинают высовываться из летка. На 30-е сут молодые сычи покидают дупло. При первом же полёте они в состоянии преодолеть расстояние до 15-20 м, причём летят даже с набором высоты. Однако многое труднее даются им посадки: с явными усилиями они удерживаются на ветке, трепеща крыльями и иногда помогая себе клювом. Способность передвигаться по ветвям у слётков воробышного сыча развита гораздо меньше, чем у сов, рано покидающих гнёзда, например, у ушастой совы *Asio otus* (Приклонский, Иванчев 1993). Иногда покинувшие гнездо птенцы в полдень или ночью возвращаются для отдыха обратно в гнездовое дупло или забираются в другое, случайно обнаруженное поблизости.

С момента вылета птенцов из дупла их призывные крики начинают звучать максимально высоко и громко. Родители продолжают кормить слётков ещё 3-4 нед., после чего выводок постепенно распадается. Вылет птенцов чаще всего приходится на первую декаду июля, распад выводка — на август (Mikkola 1983), хотя и в первых числах сентября нам доводилось слышать требовательный свист молодых, хорошо летающих сычей.

Об успешности размножения воробышного сыча с территории России сведений почти нет. В Ленинградской обл. в известных нам 4 случаях гнез-

до покинули 6, 5, 4 и 2 птенца (Мальчевский, Пукинский 1983). Кроме того, в области зафиксирован исключительно поздний вылет птенцов — в первых числах августа. Видимо, в данном случае имело место повторное размножение. В этом выводке было 3 слётка. Большинство авторов высокую смертность птенцов и явление каннибализма связывают с периодическими депрессиями численности мелких грызунов.

Позднеосенняя жизнь молодых воробышных сычей практически неизвестна. Есть сообщения, что осенью молодые иногда днют в дуплянках (Лихачёв 1971). В конце сентября-октябре молодёжь, по-видимому, окончательно покидает район рождения, и с этого времени начинается её разлёт, который в голодные годы порой приобретает характер инвазионных перемещений. В Европе наиболее значительные инвазии в последние 40 лет происходили в осенне-зимние периоды 1955/1956, 1963/1964, 1968/1969, 1971/1972, 1977/1978, 1979/1980 и 1987/1988.

Соотношение полов. В коллекциях число шкурок самок воробышного сыча вдвое превышает число самцов, чего не наблюдается в случае других видов сов (см. таблицу). В коллекции зоологического музея Нижегородского университета из 20 хранящихся шкурок воробышных сычей 18 представлено самками.

Суточная активность. Воробышный сын — скорее дневная, чем ночная птица. На это указывает и его облик — сравнительно некрупная голова, небольшие размеры глаз, наконец, весьма жёсткое оперение, отнюдь не свойственное ночным хищникам. Часы максимальной активности сычика приходятся на утренние и вечерние сумерки.

Питание. Охота воробышного сыча чаще всего протекает в разреженном высоколесье, на лесных опушках, вырубках, полянах, а также на окраинах верховых болот. Птицы охотятся, как правило, недалеко от гнезда: самец в радиусе до 0.5 км, самка и того ближе, часто в каких-то 100-200 м от гнездового дерева. Только дефицит жертв вблизи гнезда может заставить сычей улететь на их поиски за 1-1.5 км.

Основной стиль охоты воробышного сыча — выжидание благоприятной для нападения ситуации с присады. Для этого сынок располагается где-нибудь на ветке дерева, в 5-10 м над землёй. Он сидит обычно открыто, на виду, но благодаря своим мелким размерам не привлекает к себе внимания. Сычик пристально смотрит вниз и по сторонам и, если в течение 15-20 мин не обнаружит объект нападения, перелетает на новое место, на 20-30 м. Заметив же у земли в 10-12 м потенциальную жертву, он с признаками явного возбуждения (то привстанет, то присядет, то поведёт хвостом) ещё какое-то время выжидает, после чего следует атака. Вот что сообщил нам об этом Г.А.Носков. Во время броска, например, на пухляка *Parus montanus* или большую синицу *P. major*, сын, то резко взмахивая крыльями, то складывая их, стремительно летит не прямо к намеченной жертве, а как бы мимо, и только оказавшись в 2-3 м от неё, резко сворачивает и пикирует. Такой манёвр в большинстве случаев приводит к тому, что заметившая приближение сычика синица не улетает сразу, а на пару секунд затаивается. Этого времени оказывается достаточно, чтобы сынок успешно завер-

шил атаку. Он настигает добычу даже среди густого сплетения ветвей, чему немало способствуют малые размеры хищника. Такая охота может быть на редкость удачной, почти стопроцентной (судя по 11 наблюдениям). Заметим, что, например, у охотящегося в сходных условиях перепелятника *Accipiter nisus* доля успешных атак редко превышает 20%.

При неудавшейся попытке овладеть жертвой сычик нередко продолжает преследование, чего не делают, кстати, другие наши совы.

Имеются особенности и в умерщвлении жертвы: оно производится главным образом при помощи клюва, а не когтей, как у других сов. Своебразна и манера поедания жертвы. Сычик даже и не пытается проглотить добычу целиком. Зафиксировав её лапой, он отщипывает от тушки кусочки мяса и проглатывает их (или скармливает птенцам). Все внутренние органы, как правило, отвергаются. Тушки зверьков и птиц довольно тщательно ощипываются, как это свойственно, например, мелким ястребам. С особой жадностью поедается мозг, а кости черепа обычно оставляются, поэтому они редко встречаются в погадках. Трапеза завершается чисткой клюва о ветки.

Как ни тщательно разделяется добыча, часть неусваиваемой массы всё же попадает в желудок взрослых и птенцов. Последние отрыгивают погадки уже в 3-сут возрасте (Mikkola 1983). Взрослые особи, при условии нормального питания, отрыгивают погадки ежедневно, в часы отдыха. Размеры погадок воробышного сыча из Беловежской пущи составили в среднем 1.6×3.0 см при сухой массе 0.6 г (Голодушко, Самусенко 1960). По данным Г.Н.Лихачёва (1971), погадки сыча из Приокско-Террасного заповедника более мелкие, в среднем 1.1×2.8 см, максимум 1.6×3.5 см. Как ни странно, но часто более крупные погадки отрыгивает более мелкий самец.

В большинстве регионов основу летнего питания воробышного сыча составляют мышевидные грызуны (Воронцов и др. 1956). Именно их остатки чаще всего обнаруживаются в погадках на гнездовых участках. В годы депрессии численности полёвок и мышей сычики переключаются на землероек и мелких воробышных птиц. Последние могут составлять до 30-40% рациона. Из грызунов жертвами этой совы чаще всего оказываются обыкновенная полёвка, полёвка-экономка и рыжая полёвка. Мыши — видимо, как более вёрткие — попадают в лапы сычика реже. Из птиц в Оксском заповеднике в качестве жертв зафиксированы снегири, корольки *Regulus regulus*, поползни *Sitta europaea*, пухляки, московки *Parus ater* и хохлатые синицы *P. cristatus* (Карпович, Сапетин 1958). Почему-то воробышные сычи сравнительно редко отлавливают больших синиц, которых в наших лесах немало. В летнем питании, помимо зверей и птиц, иногда присутствуют крупные насекомые, главным образом жуки (Формозов и др. 1950; Мальчевский, Пукинский 1983). Максимально крупная добыча — хомяк (Иоганцен 1912) и большой пёстрый дятел (Гаврин 1962).

Для воробышного сыча, особенно в осенне-зимний период, характерно запасание корма впрок. Это интереснейшее явление специально изучалось в Приокско-Террасном заповеднике (Лихачёв 1951, 1957), на Звенигородской биологической станции Московского университета (Воронцов и др. 1956; Шилов, Смирнов 1959) и в других местах. В результате выяснилось,

что эти запасы создаются исключительно осенью, в октябре-ноябре. При этом предпочтение отдаётся обычно полёвкам, и только при низкой численности последних добываются землеройки и мелкие птицы. Доля последних в зимних запасах достигает порой 41.2% (Воробьёв 1952). Наиболее активно корм запасается после полегания схваченной заморозками травы и до установления снегового покрова (Лихачёв 1971). Это говорит о том, что решающим фактором в заготовках является степень доступности жертв.

В течение зимы запасы служат дополнительным источником пищи и к февралю используются почти полностью. Судя по многочисленным данным, птицы в запасах воробышного сыча составляют примерно десятую часть, землеройки — треть, а остальное — полёвки. В одной кладовой может оказаться 10-30 тушек, но встречаются и уникальные склады — по 80 и более жертв общей массой до 1.5 кг (Тульская обл. — Лихачёв 1951). Однако чаще всего кладовая содержит до 10 тушек. Запасаются в первую очередь наиболее крупные экземпляры (Голодушко, Самусенко 1960). Часть из них укладывается в дупло в обезглавленном виде.

Зимний охотничий участок воробышного сыча много обширнее летнего и может достигать 1.5-4.0 км² (Голодушко, Самусенко 1960). Именно на нём располагаются все кладовые данной особи. Здесь, помимо дупел-складов, находятся ещё и специальные дупла-столовые и дупла, используемые для отдыха. В первых хранится добыча, во вторых всегда много перьев и других остатков трапез, в третьих накапливаются погадки. Есть указания, что все эти дупла, равно как и участок в целом, охраняются владельцем.

Враги, неблагоприятные факторы. Замечено, что в годы депрессии численности мышевидных грызунов величина кладки у воробышного сыча уменьшается примерно на треть. Видимо, способность птиц переходить на питание птицами не компенсирует нехватки такой пищи, как полёвки. Гибель ранних кладок иногда объясняют возвратами холдов и непогодой, что отмечалось, в частности, в Финляндии (Mikkola 1983). Однако наиболее важным из неблагоприятных факторов, присутствующих почти повсеместно, является антропогенно обусловленное сокращение площадей основной стации обитания воробышного сыча — спелых ельников.

В Западной Европе в качестве основных врагов воробышного сыча называют лесную куницу, перепелятника и мохноногого сыча (Lenz 1967; Schönn 1980).

Там же выявлено, что использование в лесах инсектицидов типа ДДТ и контакт с продуктами его распада отрицательно влияют на жизнестойкость птиц и повышают эмбриональную смертность (König 1966).

Хозяйственное значение. Охрана. Воробышный сычик в большинстве районов редкая птица и хозяйственного значения не имеет. В омоложенных человеком лесах для привлечения этой совы можно развешивать дощатые искусственные гнездовья высотою до 60 см и около 16 см в попечечнике, с летком не менее 4.5 см. Эти гнездовья следует развешивать с осени в ельниках, в 20-30 м от опушки. Для благополучия вида особое значение имеет сохранение старых тёмнохвойных лесов.

Литература

- Брем А.** 1911. Подотряд Соры // *Жизнь животных: Птицы*. СПб., 8: 256-315.
- Бутурлин С.А.** 1928. *Дневные хищные птицы и совы СССР*. М.: 1-120 (Определитель видов птиц СССР, их подвиды, распространение, польза и вред для хозяйства. Вып. 1).
- Воробьёв К.А.** 1952. Запасы воробышного сычика // *Природа* 7: 115-116.
- Воронцов Н.Н., Иванова О.Ю., Шемякин М.Ф.** 1956. Материалы по зимнему питанию воробышного сыча // *Зоол. журн.* 35, 4: 615-618.
- Гаврин В.Ф.** 1962. Отряд Соры – Strigidae // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, 2: 708-779.
- Голодушко Б.З., Самусенко Э.Г.** 1960. Питание воробышного сычика в “Беловежской пуще” // Тез. докл. 4-й Прибалт. орнитол. конф. Рига: 23-24.
- Граубиц Г.** 1983. Отряд Соры // *Птицы Латвии: Территориальное размещение и численность*. Рига: 119-126.
- Дементьев Г.П.** 1951. Воробышный сыч *Glaucidium passerinum* Linn. // *Птицы Советского Союза*. М., 1: 402-405.
- Иоганцен Г.Э.** 1912. Заметки по орнитофауне Томской губернии // *Орнитол. вестн.* 4: 287-296.
- Карпович В.Н., Сапетин Я.В.** 1958. О питании воробышного сычика // *Тр. Окского заповедника* 2: 152-154.
- Лихачёв Г.Н.** 1957. Зимнее использование воробышным сычиком искусственных гнездовий // *Тр. Приокско-Террасного заповедника* 1: 287-290.
- Лихачёв Г.Н.** 1971. Материалы по питанию воробышного сычика // *Тр. Приокско-Террасного заповедника* 5: 135-145.
- Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б.** 1983. *Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий: история, биология, охрана*. Л., 1: 1-480.
- Мензбир М.А.** 1895. Соры // *Птицы России*. М., 2: 261-325.
- Паровщикова В.Я., Севастьянов Г.Н.** 1960. Материалы по распространению и биологии сов Архангельской области // *Орнитология* 3: 122-130.
- Приклонский С.Г., Иванчев В.П.** 1993. Ушастая сова – *Asio otus* (Linnaeus, 1758) // *Птицы России и сопредельных регионов: Рябкообразные, Голубеобразные, Кукушкообразные, Совообразные*. М.: 302-313.
- Степанян Л.С.** 1975. *Состав и распределение птиц фауны СССР: Неворобышные Non-Passeriformes*. М.: 1-370.
- Страутман Ф.И.** 1954. *Птицы советских Карпат*. Киев: 1-322.
- Формозов А.Н., Осмоловская В.И., Благосклонов К.Н.** 1950. *Птицы и вредители леса: Значение птиц в регулировании численности вредных насекомых леса и лесных посадок*. М.: 1-182.
- Шилов И.А., Смирнов Ю.М.** 1959. О зимнем питании воробышного сычика в Подмосковье // Тез. докл. 2-й Всесоюз. орнитол. конф. М., 2: 93-94.
- Bergmann H.H., Ganso M.** 1965. Zur Biologie des Sperlingskauzes (*Glaucidium passerinum* L.) // *J. Ornithol.* 106, 3: 255-284.
- Cramp S. (ed.)** 1985. *The Birds of the Western Palearctic: Handbook of the Birds of Europe, the Middle East and North Africa: Vol. 4. Terns to Woodpeckers*. Oxford: 1-960.
- Kellomäki E.** 1970. Havaintoja varpuspollostta // *Suom. Linnut.* 5: 64-70, 99-103.
- Klaus S., Vogel F., Wiessner J.** 1965. Ein Beitrag zur Biologie des Sperlingskauzes: Beobachtungen an einem Brutpaar von *Glaucidium passerinum* (L.) im Elbsandsteingebirge // *Zool. Abh. Staatl. Mus. Tierk. Dresden*, 1965-1966, 28, 9/20: 165-204.

- König C.** 1966. Erste Ergebnisse der Schutzmassnahmen für Rauhfusskauz (*Aegolius funereus*) und Sperlingskauz (*Glaucidium passerinum*) // *Vogel-Kosmos* **3**, 6: 58-59.
- König C.** 1967. Sperlingskauz (*Glaucidium passerinum*) stirbt in Baden-Wurtemberg aus // *Veroff. Landesstelle Naturschutz und Landschafts of Baden-Wurtemberg* **35**: 39-44.
- König C.** 1968a. Lautausserungen von Rauhfusskauz (*Aegolius funereus*) und Sperlingskauz (*Glaucidium passerinum*) // *Vogelwelt* 1968, suppl.: 115-138.
- König C.** 1968b. Seidlungsdichte-Untersuchungen an Eulen // *Ornithol. Mitt.* **20**, 7/8: 145-147.
- Lenz M.** 1967. Zur Verbreitung des Sperlingskauzes (*Glaucidium passerinum*) im Rachgebiet (Bayericher Wald) // *Ornithol. Mitt.* **19**, 10: 213-216.
- Lindberg P.** 1966. Invasionen av sparvuggla (*Glaucidium passerinum*) i södra Scandina-vien 1963-1964 // *Vår Fågelvarld* **25**, 2: 106-142.
- Mebs T.** 1966. *Eulen und Kauzes, Strigidae*. Stuttgart.
- Merikallio E.** 1958. *Finnish Birds, their Distribution and Numbers*. Helsinki: 1-181.
- Mikkola H.** 1983. *Owls of Europe*. Calton: 1-397.
- Rudart V., Wiesner J., Godecke M.** 1987. Zur Brutbiologie und Phenologie des Sperlingskauzes *Glaucidium passerinum* L. in Thuringen // *Wiss. Beitr. Mus. Luther-Univ. Halle-Wittenberg* **27**: 371-383.
- Scherzinger W.** 1969. Ein Schelm aus unseren Waldern — der Sperlingskauz // *Vogel-Kosmos* **6**, 12: 421-423.
- Scherzinger W.** 1970. Zur Actionssystem des Sperlingskauzes (*Glaucidium passerinum* L.) // *Zoologica* **41**: 1-130.
- Schönn S.** 1976. Vierjährige Untersuchungen der Biologie des Sperlingskauzes, *Glaucidium passerinum* (L.), im oberen Westerzgebirge // *Beitr. Vogelk.* **22**, 5/6: 261-300.
- Schönn S.** 1980. *Der Sterlingskauz Glaucidium passerinum passerinum*. Wittenberg; Lutherstadt: 1-123 (Die neue Brehm-Bucherei).
- Ulfstrand S., Hogstedt G.** 1976. Hur mange faglar hackar i Sverige // *Anser* **15**: 1-32.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2001, Экспресс-выпуск **137**: 248-251

Орнитологические находки в Лодейнопольском районе Ленинградской области в 1998-2000 годах

В.А.Ковалёв

Нижнесвирский государственный заповедник, г. Лодейное Поле,
Ленинградская область, 187710, Россия. E-mail: vkovalev@lodia.spb.ru

Поступила в редакцию 18 февраля 2001

Большая белая цапля *Egretta alba*. Одиночная птица 21 и 22 мая 2000 кормилась на мелководье залива Гатрома у дер. Ковкиницы. Это вторая регистрация вида на востоке Ленинградской области за последние 15 лет.

Лебедь-шипун *Cygnus olor*. У дер. Ковкиницы 10 июня 1998 встречена стая шипунов из 6 птиц. Лебеди летели вверх по реке Свири. 6 июня 1999 в

районе кордона Нижнесвирского заповедника “Горка” 3 лебедя-шипуна пролетели вниз по Свири. Впервые в Лодейнопольском районе данный вид отмечен в 1990 (Ковалев и др. 1996).

Лебедь-кликун *Cygnus cygnus*. Две взрослые птицы встречены на Свири в окрестностях дер. Горка 17 июля 1999. Ранее кликунов в юго-восточном Приладожье в летний период не наблюдали (Носков и др. 1981).

Белолобый гусь *Anser albifrons*. В первой половине июня 1999 на полях в окрестностях дер. Ковкиницы держались 2 птицы. Гуси хорошо летали, были довольно осторожны и близко людей не подпускали. Удалось сделать видеозапись одного из них. Последний раз гусей отметили 18 июня. Возможно, белолобые гуси задержались в окрестностях Нижнесвирского заповедника в июне из-за ранений, полученных в период весенней охоты.

Кряква *Anas platyrhynchos*. Отдельные особи ежегодно наблюдаются в зимнее время на незамерзающих участках реки Свири. Интересной представляется встреча крякв вдали от больших водоёмов. На мелиоративной канаве, являющейся частью русла ручья Кузома (приток Шоткусы), 6 января 1999 были подняты на крыло два самца кряквы. Ширина канавы в месте, где держались птицы, была не более 1 м, глубина около 1.5 м, а свободный ото льда участок канавы не превышал в длину 15 м. Ближайшая открытая вода на Свири находилась в 8 км от места встречи.

Перепел *Coturnix coturnix*. В 1999 кричащего самца перепела зарегистрировали 8 и 9 июля на заброшенном поле у дер. Свирское. Позже, 15 июля, крики самца слышали на лугу у зал. Гатрома (окрестности дер. Ковкиницы).

Лысуха *Fulica atra*. В 1999 двух птиц наблюдали 30 августа в дельте Свири (протока Лисья), а 15 сентября В.В.Попельнюх встретил двух лысух в Свирской губе Ладожского озера у ручья Ситика.

Погоныш *Porzana porzana*. На востоке области встречается редко, лишь в 1975 году численность погоныш в юго-восточном Приладожье была высокой (Носков и др. 1981). Многочисленными погоныши в дельте Свири были и в 1999, когда только у зимовья на берегу оз. Николина Кара 21 мая слышали голоса 4-5 птиц. Всего в районе озера в этот день кричало более 25 погоныш.

Кулик-сорока *Haematopus ostralegus*. Считается, что на северо-востоке региона кулик-сорока встречается лишь в отдельные годы на весеннем пролёте (Носков и др. 1981; Мальчевский, Пукинский 1983). Летом куликов-сорок несколько раз встречали на Свири лишь в 1997 (Ковалев 1998). С конца апреля 1999 и летом вплоть до августа на Свири неоднократно встречали одиночных птиц или небольшие стайки. Аналогичная ситуация повторилась и в 2000, когда ежедневно в нижнем течении реки на протяжении июня и июля можно было видеть одиночных куликов-сорок или стайки до 6 особей и слышать их голоса. Продолжительное время 2 кулика держались в июле на галечно- песчаном пляже напротив водозабора г. Лодейное Поле; они не проявляли беспокойства, свойственного гнездящимся особям. 14 августа над Лодейным Полем наблюдали стаю куликов-сорок, насчитывающую 11 птиц. Это была последняя встреча вида в 2000 году.

Большой веретенник *Limosa limosa*. В районе оз. Николина Кара 21 мая 1999 учили около 18 гнездящихся пар больших веретенников и 6 пар травников *Tringa totanus*. С 22 по 30 мая 2000 стая до 40 веретенников держалась на Свири у дер. Ковкиницы на илистых отмелях залива Гатрома.

Чёрная крачка *Chlidonias niger*. Детальное обследование небольших озёр на правобережье Свири показало, что в 1997 чёрные крачки встречались лишь в районе протоки Засвирская (Ковалев 1998). На оз. Николина Кара 6 июня 1999 обнаружили ещё одну гнездовую колонию. На сплавинах нашли 4 гнезда с неполными кладками (1-2 яйца) и 2 свежеотстроенных, но пустых гнезда. Всего, судя по числу беспокоившихся птиц, здесь гнездились 11 пар чёрных крачек.

Полярная сова *Nystea scandiaca*. Одиночная сова в течение всего дня 26 декабря 1998 держалась на обширном поле у дер. Имоченицы. Большую часть времени она проводила, сидя на небольших холмиках или старых кипах сена. Подпускала наблюдателя на 25-30 м, затем отлетала на 70-100 м.

Белая трясогузка *Motacilla alba*. Одиночную птицу, собиравшую корм на берегу Ладоги, наблюдали 7 ноября 2000 в окрестностях р. Пельчужня. Ранее наиболее поздняя встреча белой трясогузки в юго-восточном Приладожье зарегистрирована 3 ноября (Кукиш 1981).

Свиристель *Bombycilla garrulus*. На территории стационара Нижнесвирского заповедника "Лахта" 12 июля 2000 более получаса наблюдали выводок свиристелей. Три слётка сидели на рябине, а взрослые птицы с интервалами в 3-11 мин приносили им корм. Слётки не только перепархивали по ветвям рябины, но и достаточно хорошо летали, и будучи потревоженными, перелетели через луг в сторону осинника.

Чёрный дрозд *Turdus merula*. У незамерзающего родника на территории садоводства "Новинка" 6 января 2000 встречен самец чёрного дрозда. Птица осталась на зиму, вероятно, из-за обилия ягод черноплодной рябины *Aronia melanocarpa* в окрестностях родника.

Дубонос *Coccothraustes coccothraustes*. Самца дубоноса встретили 13 июля 2000 на опушке леса в окрестностях дер. Ковкиницы.

Кедровка *Nucifraga caryocatactes*. Во второй половине сентября и октябре 1998 в разных частях Лодейнопольского р-на отмечались как одиночные кедровки, так и небольшие их стайки. Так, 19 сентября у дер. Заостровье вниз по Свири за 4 ч наблюдений пролетело 8 особей, а 23 сентября здесь же, на опушке соснового леса, встречено 3 кедровки. 26 октября у дер. Кондуши нашли мёртвой крайне истощенную молодую птицу. Одиночных кедровок, разыскивающих корм на земле, видели у дер. Пога, Люговичи и Ковкиницы, а также на территории Нижнесвирского заповедника. Наиболее поздняя встреча кедровки произошла 8 ноября, когда у дер. Горка наблюдали кормящуюся на земле птицу. Налёт кедровок в юго-восточное Приладожье в 1998 был сравним с массовой инвазией этого вида в 1995.

Литература

Ковалев В.А., Кудашкин С.И., Олигер Т.И. 1996. Кадастр позвоночных животных Нижнесвирского заповедника. Санкт-Петербург: 1-46.

- Ковалев В.А. 1998.** О встречах редких для юго-восточного Приладожья птиц в районе Нижнесвирского заповедника в 1997 году // *Рус. орнитол. журн. Экспресс-вып. 37*: 18-20.
- Кукиш А.И. 1981.** О соотношении сроков миграции и линьки у белой трясогузки (*Motacilla alba* L.) // *Экология птиц Приладожья*. Л.: 144-151.
- Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б. 1983.** *Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий: История, биология, охрана*. Л., 1: 1-480.
- Носков Г.А., Зимин В.Б., Резвый С.П., Рымкевич Т.А., Лапшин Н.В., Головань В.И. 1981.** Птицы Ладожского орнитологического стационара и его окрестностей // *Экология птиц Приладожья*. Л.: 3-86.

∞ ☈